

Михаил Наими
Книга Мирдада. Необыкновенная
история монастыря, который
когда-то назывался Ковчегом
Серия «Из мира Ошо (Весь)»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7370850

*Наими М. Книга Мирдада. Необыкновенная история монастыря, который когда-то назывался Ковчегом: ИГ «Весь»; СПб; 2015
ISBN 978-5-9573-2899-5*

Аннотация

Это загадочное и мистическое произведение принадлежит перу классика современной арабской литературы Михаила Наими, друга выдающегося арабо-американского писателя, поэта, философа и художника Халиля Джебрана.

Ошо, просветленный мистик XX столетия, так говорит об этой книге: «„Книга Мирдада“ – одна из моих самых любимых. Она из тех книг, которые будут жить вечно. Если бы должен был составить список великих книг, ее я бы поставил первой».

В книге говорится о том, что важно для каждого человека: любовь и ненависть, вера и предательство, время и смерть, добро и зло. Легенда, философия и поэзия волшебным образом переплелись в этой необыкновенной книге. Ее вековая мудрость и мягкая лиричность образуют экзотический узор восточной притчи.

Содержание

Об авторе	5
История книги	6
Блуждающий монах	6
Каменный склон	8
Хранитель Книги	13
Книга	19
Глава 1	19
Глава 2	22
Глава 3	24
Глава 4	25
Глава 5	26
Глава 6	28
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Михаил Наими
Книга Мирдада. Необыкновенная
история монастыря, который
когда-то назывался Ковчегом

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Об авторе

Михаил Наими родился в Баскинта – небольшом городке, расположенном на высоком склоне величественной горы Саннин, смотрящей на Восточное Средиземноморье, в самом центре Ливана. Он родился в православной греческой семье и был третьим из пяти братьев и одной сестры. Желание получить образование привело его из сельской школы, организованной русской миссией, в Русский Педагогический Институт в Назарете, в Палестине. Затем он учился в духовной семинарии в Полтаве, на Украине, и после этого поступил в Вашингтонский университет в Соединенных Штатах, где в 1916 году получил дипломы об окончании гуманитарного и юридического факультетов. В том же году он переехал в Нью-Йорк, где вместе со своим близким другом Халилем Джебраном основал движение по возрождению арабской литературы. После смерти Джебрана и двадцати лет жизни в Америке (прерванной лишь на год, когда он с 1917 по 1918 служил в рядах американской армии во Франции), он вернулся домой в живописный Баскинта в Ливане, где посвятил себя размышлениям и написанию книг о глубочайшем смысле бытия. Михаил Наими умер в 1988 году. Все его произведения, а таковых 31, признаны классическими во всем арабском мире и многих других странах. В англоговорящих странах он широко известен как автор «Книги Мирдада», которая переведена на многие европейские языки. Другие работы Наими, написанные на английском языке – «Воспоминания странствующей души, или Рябое лицо», «До того, как мы встретились» и «Биография Халиля Джебрана», который был его лучшим другом и компаньоном в течение шестнадцати лет.

История книги

Блуждающий монах

В глубине Молочных гор, на Алтарной Вершине, возвышается мрачный монастырь. Некогда он назывался Ковчег. Время не щадит его, и скоро на этом месте останутся лишь руины. История его возникновения теряется во мраке веков – по преданиям, он появился здесь вскоре после Всемирного Потопа.

Множество сказаний повествует о Ноевом Ковчеге. Одну такую историю услышал я от жителей селения, где жил как-то жарким летом. Сидя в тени гор, я внимал рассказу.

Спустя годы после Потопа Ной со своей семьей, которая к тому времени сильно разрослась, добрался до Молочных гор. Здесь они обнаружили плодородные долины, полноводные реки и мягкий климат, и решили поселиться в одной из долин.

Когда Ной почувствовал, что дни его сочтены, он призвал к себе сына Сэма, чьи помыслы отличали глубина и возвышенность. Когда тот пришел, Ной обратился к нему со словами: «Сын мой! Урожай лет твоего отца более чем богат. Ныне последняя копна ждет своего серпа. Ты и твои братья, и ваши дети, и дети ваших детей вновь заселите осиротевшую Землю, и семена ваши будут как песчинки в море, потому что так обещал Господь.

Но одна мысль терзает меня неотступно на закате дней моих. Вскоре люди забудут о Потопе, о плотских страстях и злобе, послуживших причиной наказания. Они забудут и о Ковчеге, и о Вере, что помогла нам пять тысяч сто дней бороться с яростью жаждущих мщения глубин. И не вспомнят они о Новой Жизни, которую несет собой наша Вера, хотя сами станут сынами ее.

Дабы не случилось этого, прошу тебя, сын мой, воздвигни алтарь на самой высокой вершине здешних гор и назови ее Алтарной. Затем вокруг алтаря построй дом, формой точь-в-точь как ковчег, но только гораздо меньше, и назови его Ковчегом.

Над алтарем сим я хочу в последний раз возблагодарить Всевышнего. Я зажгу огонь и прошу тебя беречь и поддерживать его, чтобы он горел вечно. Дом же станет святым прибежищем небольшой группы избранных людей. Их всегда должно быть девять – не больше и не меньше, и станут они зваться Братством Ковчеха. Когда один умрет, Бог тут же приведет кого-то на место ушедшего. Они не будут покидать монастырь до конца дней своих, ведя жизнь уединенную, исполняя заветы нашего Ковчеха. Поддерживая огонь веры, будут они молить Всевышнего наставить их на путь истинный, и будут молиться за каждого из братства. Существовать они смогут на пожертвования верующих».

Сэм, внимавший каждому слову отца, прервал его и спросил, почему их должно быть девять, не больше и не меньше. Ответ гласил: «Девять – ибо таково было число тех, кто правил Ковчегом».

Сэм смог насчитать только восемь человек: его отец и мать, он сам со своей женой, да двое его братьев с женами. Поэтому слова отца показались ему еще более странными. Ной, видя его затруднение, продолжил: «Я открою тебе великую тайну. Девятый пассажир прокрался на корабль тайком. Только я знал о нем, и только я мог его видеть. Он был моим рулевым. Не спрашивай меня больше, но не забудь построить комнату и для него. Таково мое желание, Сэм. И тебе предстоит исполнить его».

Сэм сделал все, как велел отец.

Когда Ной покинул этот мир, дети похоронили его под алтарем в Ковчеге.

С течением времени Ковчег стал принимать пожертвования верующих больше, чем это было необходимо, чтобы прожить. С каждым годом богатство монастыря росло. Монахи приобретали земли, золото, серебро и драгоценные камни.

Несколько поколений назад, когда один из девяти братьев умер, в ворота монастыря постучался странник и попросил принять его в братство. По нерушимому обычаю, его должны были принять в ту же минуту, ведь он был первым, кто постучался в ворота храма после смерти брата. Но Старейшиной братства на тот момент оказался человек своенравный и жестокосердный. Ему не понравился вид странника: тот был бос, оборван и изранен. И Старейшина отказал ему под предлогом, что он недостойн стать их братом.

Странник настаивал, чтобы его приняли. Старейшина разозлился и приказал ему немедленно убираться. Но странник продолжал стоять у ворот. В конце концов, Старейшина согласился взять его в качестве слуги.

Долго после этого Старейшина ждал, когда же провидение пошлет им нового брата взамен умершего. Но никто не пришел. Так впервые в истории Ковчеха в храме стали жить восемь братьев и один слуга.

Прошло семь лет. Ничье богатство не могло сравниться с богатством братии. Монастырские земли простирались на многие мили вокруг. Старейшина был счастлив и стал выказывать расположение страннику: «Ты принес Ковчегу удачу!»

Но на исходе восьмого года все изменилось. Мирное прежде братство охватили враждебные настроения. Старейшина приписал все неудачи страннику и решил выслать его из монастыря, но увы, было уже поздно. Монахи под предводительством странника больше не подчинялись правилам, им было все равно, что говорил Старейшина, они не желали его слушать. В течение двух лет братья распродали все имущество. Тем, кто арендовал монастырские земли, они отдали их в свободное владение. На третий год они покинули монастырь. Но самое страшное – странник наложил на Старейшину проклятие. Отныне Старейшина должен был оставаться в монастыре до скончания дней, а уста его навеки сомкнулись – Старейшина стал нем.

Так гласит легенда.

Нашлось немало свидетелей, уверявших меня, что много раз видели Старейшину. Иногда днем, иногда ночью, бродит он среди стен опустевшего, разрушенного временем храма. И никому не удавалось заставить его произнести хоть слово. Каждый раз, почувствовав чье-либо присутствие, он исчезает неизвестно куда.

Услышанная история лишила меня покоя. Образ одинокого монаха, блуждающего долгие годы по дворам древнего святилища там, на пустынной Алтарной Вершине, захватил мое воображение. Беспреданно возникал он перед моим мысленным взором, и неодолимое желание тянуло меня к храму.

В конце концов, я сказал себе: «Я пойду туда».

Каменный склон

К западу от моря стоит крутая Алтарная Вершина, открытая всем ветрам. Угрюмо и неприветливо смотрит она на мир, а на самом верху расположен бывший храм. К нему ведут две извилистые узенькие тропинки, каждая бежит по краю обрыва – одна шла с севера, другая с юга. Я же решил идти своим путем. По середине между двумя тропами, спускаясь с вершины и доходя почти до самого подножья, виднелся узкий ровный склон, который показался мне самой легкой дорогой к вершине. Склон притягивал меня с неодолимой силой, и я решил пойти по нему.

Когда я рассказал о своем желании одному из местных жителей, он в страхе воззрился на меня, и, молитвенно сложив ладони, воскликнул:

«Каменный склон? Не будь глупцом! Разве тебе совсем не дорога жизнь?! Многие пытались сделать это до тебя, но никто не вернулся, чтобы рассказать о своих страданиях. Каменный склон? О нет, ни за что, ни за что!»

Он стал настаивать на том, чтобы провести меня в горы. Я вежливо отклонил его предложение. Как ни странно, его ужас подействовал на меня с точностью до наоборот. Вместо того чтобы отпугнуть, он лишь укрепил мою решимость.

И, вот ранним утром, когда ночная тьма уже почти рассеялась, я стяхнул с себя ночные сны, взял посох, семь буханок хлеба и отправился в путь, на Алтарную Вершину. Слабое дыхание угасающей ночи, быстрый ритм зарождающегося дня, настойчивое желание узнать тайну блуждающего монаха и еще более настойчивое желание освободиться от себя самого, хотя бы на миг, каким бы кратким он ни был, – все это окрыляло меня и будоражило кровь.

Я отправился в путь с песней в сердце и твердым намерением исполнить задуманное. Но когда, спустя довольно продолжительное время, я достиг, наконец, подножия склона и окинул предстоящий мне подъем взглядом – песня застряла у меня в горле. То, что издали виделось ровной тропой, на деле оказалось непроходимой кручей. Всюду, куда ни посмотри, в высоту и в ширину – лишь камни, разного размера и формы, маленькие и большие, острые как шипы, и плоские, как заточенные ножи. Никаких признаков жизни. Впечатление было гнетущим. Я ощутил вдруг, как безотчетный страх ледяной волной окатил мое сердце. И все же я не хотел отказываться от своего плана.

Вспомнив горящие глаза доброго человека, отговаривавшего меня от этой затеи, я призывал всю свою решимость и стал взбираться по склону. Вскоре я понял, что, уповая лишь на помощь своих ног, я не сильно продвинулся вперед. Я скользил на каждом шагу, а шорох осыпающихся камней походил на предсмертный хрип – казалось, некий исполин, задыхающийся в мучительной агонии на дне пропасти, посылает мне вдогонку свое последнее проклятие. Чтобы хоть как-то двигаться, мне приходилось цепляться за подвижные камни ступнями, руками и коленями. Как же позавидовал я тогда ловкости горного барана!

Я карабкался зигзагами все выше и выше, не давая себе ни малейшей возможности отдохнуть, потому что боялся, что ночь застанет меня в пути. Мне совсем не хотелось возвращаться.

День был уже на исходе, когда я вдруг ощутил острый приступ голода. До этого я вовсе не думал ни о еде, ни о питье. Буханки хлеба, завернутые в платок, которым я обвязался вокруг талии, сейчас казались бесценными. Я присел, достал хлеб и уже приготовился было проглотить первый кусок, как звон колокольчика, а вместе с ним плач тростниковой флейты заставили меня остановиться. Я был поражен. Сколь необычно было слышать подобные звуки здесь, в этой каменной пустыне!

Из-за скалы, справа от меня, появился крупный черный баран, скорее всего, вожак. Не успел я удивиться, как меня со всех сторон окружили бараны. Из-под их копыт тоже

сыпались камни, но не так оглушительно, как это было в пору моего подъема. Вдруг, словно дождавшись приглашения, все стадо под предводительством вожака бросилось к хлебу. Они уже почти выхватили его у меня из рук, но тут раздался голос пастуха, загадочным образом возникшего прямо передо мной. Это был молодой человек поразительной внешности: высокий, сильный, с лучезарной улыбкой. Набедренная повязка была единственным его одеянием, а тростниковая флейта – единственной ношей.

– Мой вожак избалован, – произнес он тихо. – Я кормлю его хлебом, когда он у меня есть. Но те, у кого есть хлеб, редко посещают эти места. – Он повернулся к барану и сказал: – Видишь, как благосклонна к нам Судьба, мой преданный вожак? Никогда не ропщи на Судьбу.

После чего нагнулся и взял буханку. Полагая, что он голоден, я предложил ему:

– Мы разделим эту скудную еду. Здесь достаточно хлеба для нас обоих и для вожака.

Но, к моему крайнему изумлению, он кинул первую буханку баранам, затем вторую и третью, и так все семь буханок, откусывая от каждой по кусочку. Я был потрясен до глубины души и содрогнулся от гнева. Но, сознавая, что теперь уже ничего не исправишь, решил успокоиться и держать себя в руках. Озадаченно взглянув на пастуха, я произнес, наполовину умоляющее, наполовину с упреком:

– Теперь, когда ты скормил хлеб голодного человека баранам, неужто ты не напоишь его овечьим молоком?

– Молоко моих овец – яд для глупцов, а я бы не хотел, чтобы мои овцы были повинны в смерти, пусть даже дурака.

– Но в чем же моя глупость?

– В том, что ты взял с собою семь буханок хлеба, как будто путешествие займет семь жизней.

– Что ж, по-твоему, мне надо было взять семь тысяч?

– Ни одной.

– Отправляться в такое долгое путешествие без еды – ты это мне советуешь?

– Путь, который не снабжает путника, не стоит того.

– Значит, мне нужно есть камни и запивать их потом?

– В твоей плоти достаточно еды, а в крови – влаги.

– Ты насмехаешься надо мной, пастух. И все же я не буду смеяться над тобой в ответ. Тот, кто съел мой хлеб, хоть и оставил меня голодным, становится моим братом. Дело к ночи, и я должен продолжить свой путь. Не скажешь ли ты мне, далеко ли еще до вершины?

– Ты очень близок к Забвению.

С этими словами он поднес флейту к губам и зашагал прочь, унося с собой причудливый мотив, звучавший, точно жалоба из преисподней. Вожак пошел следом, а за ним потянулось и все стадо. И долго еще я различал сквозь гул осыпающихся камней их блеяние и плач тростниковой флейты.

Отгнав мысли о еде, я попытался восстановить силы и решимость, отнятые у меня пастухом. Если уж ночи суждено застать меня среди этих мрачных глыб, то я должен, по крайней мере, отыскать место, где мог бы вытянуть уставшие ноги, не опасаясь скатиться вниз. Итак, я снова принялся ползти вверх по склону. Глянув вниз, я едва мог поверить, что взобрался так высоко. Подножья горы уже не было видно. Вершина же казалась вполне достижимой.

Когда совсем стемнело, я добрался до небольшого каменного грота. И хотя камни нависали над пропастью, дно которой терялось во мраке, я все же решил заночевать здесь.

Острые камни, исполосовавшие мою обувь, не пощадили и моих ног. Кровь на ступнях запеклась, и когда я попытался снять сапоги, мне пришлось отдирать их. Мои ладони также были изранены, а ногти походили на кору, сорванную с сухого дерева. Одежда же преврати-

лась в лохмотья. Голова была тяжелой, будто налита свинцом, и я не мог думать ни о чем другом, кроме сна.

Сколько я проспал – мгновение, час или вечность – я не знал. Я проснулся оттого, что какая-то сила тянула меня за рукав. Испугавшись и еще не до конца придя в себя, я приподнялся и увидел перед собой молодую девушку с тусклым фонарем в руке. Она была обнажена. Черты ее лица и фигура были изящны и тонки. За рукав же меня тянула старуха, настолько же безобразная, насколько красива была девушка. Холодный озноб прошиб меня с головы до пят.

– Видишь, как благосклонна к нам Судьба, детка? – произнесла старуха, наполовину стащив с меня куртку. – Никогда не ропщи на Судьбу.

Язык отказывался мне повиноваться. У меня не было сил ни говорить, ни сопротивляться. Тщетно я призывал свою волю – казалось, она покинула меня навсегда. Совершенно беспомощный, я был в руках этой старухи и ее дочери, несмотря на то что мог бы выгнать их из пещеры запросто, если бы только захотел. Но в том-то и дело, что у меня не было сил даже захотеть.

Не удовлетворившись одной только курткой, старуха стала раздевать меня дальше, до тех пор, пока я не оказался совершенно голым. Раздевая меня, она отдавала одежду девушке, и та облачалась в нее. Фонарь отбрасывал неверные тени на стену пещеры. Казалось, они исполняли какой-то танец: силуэты двух женщин сливались с силуэтом моего обнаженного тела, разъединялись вновь, – и картина эта наполнила меня ужасом и отвращением. Я наблюдал за ними, совершенно не понимая, что происходит, и не мог произнести ни слова, хотя именно слова сейчас мне были так необходимы, они были бы единственным моим оружием в том уязвимом положении, в котором я оказался. Наконец, с трудом ворочая языком, я произнес:

– Если ты, старая женщина, потеряла всякий стыд, то я нет. Я стыжусь своей наготы, даже перед такой бесстыжей ведьмой, как ты. Но еще более мне стыдно перед невинностью этой девушки.

– Она унесет твой стыд, ты же облачись в ее невинность.

– Зачем девушке носить изодранные мужские лохмотья того, кто заблудился в горах в такую ночь?

– Возможно, чтобы облегчить его ношу, а также согреться. Бедняжка дрожит от холода.

– Ну, а если мне станет холодно, что мне тогда делать? Тебе совсем меня не жаль? Моя одежда – это все, что у меня есть сейчас на этом свете.

– Чем меньшим обладаешь ты, тем менее ты этим одержим.

Чем большим обладаешь ты, тем более ты этим одержим.

Чем более ты одержим, тем меньше ценен сам.

Чем менее ты одержим, тем больше ценен сам.

Пойдем отсюда, дитя мое.

Она взяла девушку за руку и собралась уходить. Сотни вопросов наполняли мой ум, но лишь один сорвался с моих губ:

– Прежде чем ты уйдешь, старая женщина, не будешь ли ты так добра сказать мне, далеко ли я нахожусь от вершины?

– Ты на краю Черной Пропасти.

Их причудливые тени мелькнули в последний раз, когда они вышли из пещеры и исчезли в черной, как сажа, ночи. Волна холодного воздуха, неизвестно откуда взявшись, обдала меня с головой. За ней последовали еще более темные и еще более холодные волны. Казалось, что сами стены пещеры дышат холодом. Меня начало трясти. Мысли лихорадочно

проносились в голове: бараны, пасущиеся на камнях, насмешливый пастух, эта старуха с девушкой, я, голый, весь в синяках и ссадинах, голодный, холодный, в полубреду, в этой пещере, на краю пропасти... Близок ли я к своей цели? Доберусь ли я до вершины? Кончится ли когда-нибудь эта ночь?

Постепенно, однако, я начал приходить в себя, и тут услышал собачий лай и вновь увидел свет прямо перед собой.

– Видишь, как благосклонна к нам Судьба, возлюбленная моя? Никогда не ропщи на Судьбу. – Голос принадлежал дряхлому старику, сгорбленному, с длинной бородой и трясущимися коленями. Возглас его был обращен к женщине такой же древней, как он сам, беззубой, лысой, тоже сгорбленной и трясущейся. Не обращая на меня внимания, он продолжал все тем же сдавленным голосом, который, казалось, с трудом вырывался из горла: – Превосходные хоромы для нашей первой брачной ночи и чудесный посох взамен того, что ты потеряла. С таким посохом ты больше никогда не споткнешься, возлюбленная моя. – С этими словами он поднял мой посох и отдал ей. Она склонилась над ним, нежно и ласково поглаживая морщинистой рукой. Затем, будто только сейчас заметив меня, он добавил: – Путник сейчас уйдет, любовь моя, и мы останемся одни и насладимся волшебными снами.

Его слова, подкрепленные рычанием собаки, прозвучали для меня как приказ, которому я был не в силах противостоять. Исполненный ужаса, я наблюдал за происходящим будто во сне, и как во сне я встал и направился к выходу из пещеры, отчаянно пытаюсь произнести хоть слово, чтобы защитить себя. Наконец, мне это удалось:

– Вы взяли мой посох. Неужели вы будете так жестоки, что выгоните меня из пещеры, которая является моим прибежищем на эту ночь?

*– Блаженны не имеющие посоха,
Ибо не собьются они с пути.*

*Блаженны бездомные,
Ибо они уже дома.
И только заблудившимся, таким, как мы,
Нужен посох.
И только привязанным к дому, таким, как мы,
Нужен дом.*

Так они пели, готовя себе ложе, вонзая длинные ногти в землю и разравнивая ее. Они пели, не обращая никакого внимания на меня. В отчаянии я закричал:

– Взгляните на мои руки! Взгляните на мои ноги! Я странник, сбившийся с дороги, потерявшийся на пустынном склоне. Я кровью умастил свой путь. Я не знаю, куда идти дальше по этой ужасной горе, так хорошо знакомой вам. Вы что? Не боитесь кары небесной? Дайте мне хотя бы ваш фонарь, если уж не разрешаете мне остаться в пещере этой ночью!

*– Любовь невозможно опустошить.
Свет невозможно разделить.
Люби и увидишь.
Свети и будешь.
Когда закончится ночь,
И погаснет день,
А земле наступит конец,
Куда отправится путник?
Найдется ли тот, кто отправится в путь?*

Я решил прибегнуть к мольбам, хотя и понимал, что от этого будет мало проку, поскольку непреодолимая сила выталкивала меня из пещеры:

– Добрый старик, добрая женщина! Я совсем окоченел и еле разговариваю от усталости, я не буду для вас ложкой дегтя в бочке меда. Я тоже когда-то вкусил любви. Я оставляю вам мой посох и мое скромное убежище, которое вы выбрали для вашей брачной ночи. Но лишь об одном прошу я вас взамен: поскольку вы не даете мне ваш фонарь, не будете ли вы столь любезны проводить меня к выходу из пещеры и указать мне путь к вершине? Я потерял направление и равновесие. Я не знаю, высоко ли я забрался и сколько мне еще идти.

Не обращая внимания на мою просьбу, они продолжали петь:

– Тот, кто поднялся так высоко, на самом деле остался внизу.

Тот, кто решил, что других обогнал, на самом деле отстал.

Слишком чувствительный лишился чувств,

Красноречивый остался без слов и говорить перестал.

Прилив и отлив – всего лишь течение одно.

Без указателей выйдешь туда, куда надо.

Тому, кто отдать готов, будет сполна воздано.

А слишком великому все будет мало.

Последнее, на что я отчаялся – я умолял их сказать, в какую сторону мне идти после выхода из пещеры. Ведь смерть могла поджидать меня на каждом шагу, а я не хотел умирать. Затаив дыхание, я ждал ответа, но они запели другую, не менее странную, песню, оставив меня в еще большем недоумении и негодовании, чем прежде:

– Горы и скалы, и твердые камни.

Мягкое, нежное дно пустоты.

Ястреб и ворон, олень и улитка,

Лисы и зайцы, мышь и коты.

Общего яду отведав,

Общей вкусили беды.

Смерть посулит благодарность,

Коль ей доверишься ты.

То, что внизу, оно ж и вверху.

Умри, чтобы жить, иль живи ради смерти.

Свет фонаря мерк по мере того, как я полз на четвереньках к выходу из пещеры. Собака преследовала меня, как будто хотела убедиться, что я действительно уйду. Темнота была такой густой, что я буквально ощущал ее черную тяжесть, от которой слипались глаза. Я больше не мог оставаться в пещере ни минуты, и собака сзади подтверждала это.

Осторожное движение. Еще одно осторожное движение. Третье – и я почувствовал, как гора выскользнула у меня из-под ног, черный водоворот захватил меня, и, задыхаясь, я ощутил, что лечу куда-то вниз, вниз, вниз...

Последнее, что мелькнуло в сознании, когда я кружился в пустоте Черной Пропasti, были те отвратительные жених и невеста. Последние слова, которые я пробормотал перед тем, как мое дыхание замерло, были их слова:

«Умри, чтобы жить, иль живи ради смерти».

Хранитель Книги

«Восстань, о счастливый путник! Ты достиг цели».

Вместе с этими словами ко мне вернулось сознание. Я почувствовал жар и нестерпимую сухость во всем теле и понял, что изнываю от жажды. Я приоткрыл глаза. Сперва я ничего не мог разобрать, так как солнце било мне прямо в лицо, но через несколько мгновений я увидел склонившегося надо мной человека в черном одеянии. Я лежал на земле, а он заботливо смачивал мне губы водой и ласково отирал кровь с моих ран. Определить его возраст было почти невозможно. Взгляд его был глубок и пронизателен. Вид его, пожалуй, можно было назвать грозным, если не устрашающим – грузного телосложения, с крупными чертами, косматой бородой и копной спутанных волос, он производил впечатление человека большой физической силы. Несмотря на это, его прикосновения были мягкими и ободряющими. Он помог мне сесть. Еле слышным голосом я спросил:

- Где я?
- На Алтарной Вершине.
- А где пещера?
- За тобой.
- А где Черная Пропасть?
- Перед тобой.

Как же велико было мое изумление, когда я увидел прямо перед собой зияющую пропасть, а оглянувшись, действительно обнаружил пещеру. Я сидел на самом краю. Я попросил мужчину отвести меня в пещеру, и он с готовностью исполнил мою просьбу.

- Кто вынес меня из Пропасти?
- *Тот*, кто привел тебя на Вершину, должно быть, спас тебя.
- Кто это?
- *Тот*, кто сковал мой язык и велел оставаться здесь, на Вершине, сто пятьдесят лет.
- Значит, ты и есть блуждающий монах?
- Он самый.
- Но ты разговариваешь, а тот нем.
- Ты развязал мой язык.
- Но он сторонится людей, а ты, похоже, совсем меня не боишься.
- Я избегаю всех, кроме тебя.
- Ты никогда прежде не видел меня. Почему же ты избегаешь всех, кроме меня?

– Сто пятьдесят лет я ждал твоего прихода. Сто пятьдесят лет, не пропуская ни единого дня, в любую погоду, мои грешные глаза вглядывались в даль каменного склона, ища человека, который взойдет по нему, как ты, без посоха, одежды и еды. Многие пытались сделать это, но ни один из них не был без посоха, без одежды и без еды. Я наблюдал за тобой вчера целый день. Я оставил тебя ночевать в пещере, а утром, на заре, нашел бездыханным. И все же я не сомневался, что ты жив. И вот, ты сейчас живее, чем я! Ты умер, чтобы жить, а я живу, чтобы умереть. Да! Слава *его* имени! Все именно так, как *он* обещал. Все так, как должно быть. Без сомнения, ты – избранный.

- Кто?
- Благословен будет тот, в чьи руки я отдам святую книгу, тот, кто познакомит с нею мир.
- Книгу?
- *Его* книгу – Книгу Мирдада.
- Мирдад? Кто такой Мирдад?

– Возможно ли, что ты не слышал имени Мирдада? Странно. А я думал, что его имя распространилось по миру так же, как оно наполняет землю под моими ногами, воздух, который меня окружает, и небеса надо мной. Священна эта земля, о странник, его ступни касались ее. Священен этот воздух, его легкие наполнялись им. Священно здешнее небо, Мирдад смотрел в него.

Произнося эти слова, монах почтительно нагнулся, поцеловал землю три раза и замолчал. Какое-то время мы оба не произносили ни слова. Наконец, я сказал:

– Ты говоришь загадками. Кто этот человек, которого ты называешь Мирдад?

– Выслушай меня, и я расскажу тебе то, что мне позволено рассказать. Меня зовут Шамадам. Я был Старейшиной Ковчуга, когда один из девяти монахов умер. Едва душа ушедшего отлетела в мир иной, как мне сказали, что у ворот храма дожидается странник. Я сразу понял, что Провидение привело его к нам, чтобы он занял место только что умершего брата. Я должен был бы возрадоваться, что Господь все еще не оставил Ковчуг, как и во времена нашего отца Сэма.

Тут я перебил монаха и спросил, правда ли то, что люди внизу рассказали мне, что будто бы Ковчуг был построен старшим сыном Ноя. Он торжественно подтвердил:

– Все, что рассказали тебе, – истинная правда.

Затем он продолжил прерванный рассказ:

– Так вот, я должен был возликовать. Но по какой-то причине, которая находилась вне пределов моего разума, обнаружил я в своем сердце сопротивление. Еще даже не взглянув на странника, я всем своим существом уже был настроен против него. И я решил отвергнуть его, полностью осознавая, что тем самым нарушу незыблемый закон, и, конечно, отвергну Того, кто привел путника к нашим воротам.

Когда же я открыл ворота и увидел его, совсем юного, мое нутро переполнилось желчью, которую я был готов излить на него. Раздетый, разутый, очевидно, изголодавшийся, лишенный какого бы то ни было средства защиты, даже посоха, он выглядел беспомощным. И все же, благодаря свету, исходившему из его глаз, он выглядел более защищенным, чем рыцарь, облаченный в латы с ног до головы, и гораздо старше, чем ему можно было дать на вид. Все внутри меня восставало против этого юноши. Каждой частицей своей души я жаждал его гибели. Не спрашивай меня, почему. Быть может, потому, что взгляд его был настолько пронизателен, что обнажал мою душу, и я испугался, я не хотел открывать ее никому. А быть может, его чистота, сорвав покровы, выявляла мою собственную грязь, и я расстроился, что нечем укрыть ее. Возможно, между нашими звездами шла многовековая вражда. Кто знает? Кто знает? Лишь Он может сказать.

Резко и безжалостно я произнес, что он не может быть принят в братство, и повелел ему тот же час убираться восвояси. Он стоял на своем и спокойно советовал мне передумать. Его совет я воспринял, как оскорбление, и плюнул ему в лицо. И снова он был тверд и настойчив. Медленно вытирая лицо, он вновь посоветовал мне изменить решение. Когда он вытирал слюну с лица, мне показалось, что это я оплеван. Я чувствовал, что проиграл, и где-то в самой глубине души признал, что битва была неравной, что он сильнее меня.

Как всякое уязвленное самолюбие, мое не сдавалось до тех пор, пока не увидело себя растоптанным и брошенным в грязь. Я уже почти был готов исполнить просьбу этого человека, но прежде мне хотелось усмирить его. Конечно, это было невозможно.

Вдруг он попросил принести ему что-нибудь, во что он мог бы одеться, и что-нибудь поесть. Тут я снова воспылал надеждой. Вооруженный голодом и холодом против него, я верил, что смогу победить. Это было жестоко с моей стороны, но я отказался подать ему кусок хлеба, сказав, что монастырь живет на пожертвования и не может разбрасываться своим имуществом. То была вопиющая ложь, поскольку монастырь был слишком богат,

чтобы отказать в пище и одежде тому, кто в них нуждался. Я хотел заставить его умолять. Но он не умолял. Он просил так, как будто имел право, и в его голосе мне послышался приказ.

Схватка наша продолжалась долго, но никто не выиграл. Победителем был он с самого начала. Чтобы как-то скрыть свое поражение, я в конце концов предложил ему остаться в монастыре в качестве слуги – слуги, и не более. Это, как мне казалось, усмирит его. Тогда я так и не понял, что это я был просителем, а не он. Чтобы окончательно утвердить мое унижение, он, не проронив ни слова, согласился на мое предложение. Если бы я только знал тогда, что, беря его в монастырь, я тем самым подписывал себе приговор. До самых последних дней я цеплялся за призрачную иллюзию, что я, а не он, был хозяином Ковчеха. Ах, Мирдад, Мирдад, что же ты сделал с Шамадамом! Ах, Шамадам, что же ты сделал с самим собой!

Две крупных слезы, скатившись, оросили его бороду. Его рассказ тронул мое сердце, и я произнес:

– Умоляю тебя, не рассказывай мне больше о человеке, воспоминания о котором образуются в слезы.

Но он ответил:

– Не волнуйся, о благословенный посланник. То бывшая гордыня Старейшины вымывается слезами желчи. Бывшая власть его скрежетает зубами, сопротивляясь власти Духа святого. Пусть гордыня рыдает, это ее последние слезы. О, если б взгляд мой не был столь затуманен земными благами, когда впервые встретился с тем небесным взглядом! О, если б уши мои не были столь забиты мудростью земной, когда впервые услышали мудрость божественную! О, если б язык мой не был столь косен горькой сладостью плоти земной, когда впервые столкнулся с языком духа! Да, я пожал и пожну еще плоды моих ничемных иллюзий!

Семь лет он прожил среди нас в качестве нижайшего слуги: кроткий, услужливый, он ни на что не обижался, всегда был готов прийти на помощь, выполнить любую прихоть наших братьев. Он не ходил, а словно парил в воздухе. Ни одного слова не слетело с губ его. Мы думали, что он принял обет молчания. Некоторые поначалу пытались дразнить его. Он принимал их выпады с ангельским смирением и вскоре заставил всех нас уважать его молчание. Остальные семь братьев восхищались его спокойствием и сами становились мягче и терпимее. Меня же такая невозмутимость тяготила и раздражала. Много раз пытался я вывести его из себя, но тщетно.

Назвался он Мирдадом. Лишь на это имя откликался он. Больше мы не знали о нем ничего. Несмотря на то что никогда и ничем не привлекал он к себе внимания, его присутствие остро ощущалось всеми, настолько остро, что мы редко разговаривали при нем, даже о чем-то для нас важном, и осмеливались заговорить только после того, как он удалялся к себе в келью.

То были годы изобилия, семь лет Мирдада. Имущество монастыря увеличилось всемерно, а то и больше. Мое сердце смягчилось, и, видя, что Провидение нам больше никого не посылает, я решил серьезно переговорить с братьями и принять его в наше братство.

Дальше случилось то, чего никто не ожидал – никто, и меньше всех бедный Шамадам. Мирдад разомкнул уста, и буря вырвалась наружу. Он дал волю всему, что так долго скрывал, и оно внезапно хлынуло всепобеждающим потоком, которому невозможно было сопротивляться. Братья были захвачены его стремительным напором, все, кроме бедного Шамадама, который боролся с ним до последнего. Я надеялся повернуть течение вспять с помощью своей власти Старейшего в монастыре, но братья не признавали ничьей власти, кроме Мирдада. Мирдад был Мастером, Шамадам – изгоем. Мне даже пришлось пойти на хитрость. Я обещал некоторым братьям награду из золота и серебра, другим я посулил плодородные земли. Я уже почти преуспел в своем намерении, когда каким-то загадочным образом Мирдад узнал о моих стараниях и развеял их без особого труда, всего лишь несколькими словами.

Слишком странны и сложны были его идеи. Все они записаны в Книге, о них мне говорить запрещено. Но его красноречие делает черное белым, а белое черным – настолько глубоко и сильно его слово. Чем я мог противостоять такому оружию? Ничем, кроме монастырской печати, которая хранилась у меня. Но и она оказалось бесполезной. Благодаря его пламенным призывам, братья заставляли меня ставить печать и подпись под всеми документами, которые они составляли сами. Постепенно они раздали все монастырские земли, которые были пожертвованы нам верующими в течение многих лет. Затем Мирдад начал отправлять Братьев в соседние деревни, нагружая их дарами для бедняков. В последний День Ковчега, который был одним из двух ежегодных праздников в монастыре (вторым был День виноградной лозы), Мирдад завершил свои безумства тем, что приказал братьям снять с монастыря все украшения и раздать прихожанам.

Мое грешное сердце было готово разорваться от ненависти к Мирдаду. Если бы одной только ненавистью можно было убивать, то пламя, бушевавшее в моей груди, испепелило бы тысячу Мирдадов. Но любовь его была сильнее моей ненависти. Вновь битва была неравной. И вновь моя гордыня не сдавалась до тех пор, пока не увидела себя раздавленной и втоптанной в грязь. Он разбил меня, не борясь со мной. Я же боролся с ним, а победил себя. Как часто, с любовью и терпением, он пытался отвести пелену с глаз моих! Как часто я искал большего и тем самым лишь уплотнял пелену на глазах моих! Чем более кроток он был со мной, тем больше я его ненавидел.

Мы были двумя полководцами на бранном поле – Мирдад и я. Он был целым легионом, я же – воином-одиночкой. Если бы братья помогли мне, я бы его в конце концов одолел. И тогда я заставил бы его страдать. Но братья были на его стороне. Предатели! Мирдад, Мирдад, ты отомстил за себя.

На сей раз слезы полились ручьем, Шамадам долго молчал, всхлипывая. Наконец, Старейшина снова поклонился и, три раза поцеловав землю, произнес:

– Мирдад, мой повелитель, моя надежда, мое наказание и моя награда, прости горечь Шамадама. Голова змеи сохраняет яд даже после того, как ее отсеки. Но, к счастью, она не может укусить. Ты видишь, Шамадам теперь лишен зубов и яда. Поддержи его своей любовью, чтобы он увидел день, когда из уст его польется мед так же, как из уст твоих. Ты обещал. Сегодня ты освободил его из плена первого, не дай же ему долго томиться во втором.

И, точно в ответ на мой мысленный вопрос, он принялся говорить о том, что это был за плен. Однако голос его теперь стал мягким и густым, так что я едва верил своим ушам, словно не с этим человеком я только что разговаривал.

– В тот день он созвал нас в этой самой пещере, где он имел обыкновение учить Семерых. Солнце уже садилось. Западный ветер нагнал густого туману, который наполнил все ущелье и повис над землей, как колдовское покрывало. Туман доходил до этой горы, и она напоминала морской берег. К западу на горизонте застыло зловещее, тяжелое облако, полностью заслонившее солнце. Мирдад обнял каждого из Семерых. Видно было, что чувства переполняют его, но он сдерживал себя. Затем он сказал:

– Долго жили вы в вышине, сегодня же в глубины вам сойти предстоит. Если не выситеесь вы своим спуском и не присоедините долины к вершинам, высота всегда будет искушать вас алчностью, а глубина ослеплять.

Повернувшись ко мне и с нежностью глядя мне в глаза, он продолжал:

– Что до тебя, Шамадам, твое время еще не пришло. Ты станешь дожидаться моего возвращения здесь, на вершине. И пока будешь ожидать своего часа, ты станешь хранителем книги, которая находится в железном сундуке под алтарем. Смотри, чтобы ни одна рука не касалась ее, даже твоя. В свое время я пришло к тебе посланника, который заберет Книгу и отдаст миру. Ты узнаешь его: он поднимется на вершину по каменному склону. Он начнет свое путешествие одетый, возьмет с собой посох и семь буханок хлеба, но ты найдешь его

перед этой пещерой бездыханного, нагого, без посоха и без пищи. До его появления уста твои будут сомкнуты, и будешь ты сторониться людей. Один его вид освободит тебя из плена молчания. После того, как ты отдашь ему Книгу, ты превратишься в камень и будешь охранять вход в эту пещеру до моего возвращения. Из этого плена лишь я один смогу тебя освободить. Если ожидание покажется тебе долгим, то удлинится оно, если же ты сочтешь его кратким, то станет оно еще короче. Терпи и веруй.

После чего он снова обратился к Семерым, и, махнув им рукой, сказал: «Братья, идите за мной».

И зашагал вперед, вниз по склону. Он шел, высоко держа голову, неотрывно смотря вперед, едва касаясь земли. Когда они достигли края, где начинался туман, солнце пробилось сквозь черную тучу, образуя в небе сводчатый проход, озаренный светом, слишком необыкновенным, чтобы выразить это словами, и слишком ярким, чтобы можно было на него смотреть. Мне показалось, что Мастер и его Семеро спутников отделились от горы и пошли через этот проход прямо к солнцу. Как же горько мне было оставаться здесь одному, совсем одному.

Словно изнуренный непосильным трудом, Шамадам вдруг обмяк и замолчал, склонил голову, закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул. В таком состоянии он пребывал довольно долго. Пока я искал подходящие слова, он поднял голову и сказал:

– Ты – возлюбленный сын Судьбы. Прости меня несчастного, я много говорил, слишком много. А как иначе? Может ли тот, чей язык был скован полтора столетия, сбросив оковы, произнести лишь «да» или «нет»? Может ли Шамадам быть Мирдадом?

– Позволь мне задать тебе вопрос, брат Шамадам.

– Слова твои ласкают слух. Так давно никто не называл меня братом. Последний раз это было, когда мой единственный брат умер много лет назад. О чем ты хотел спросить?

– Если Мирдад – такой великий учитель, то мне странно, почему в наши дни никто не слышал ни о нем, ни о семи братьях. Как же так?

– Возможно, Мирдад ждет своего часа. А может, он учит под другим именем. В одном я уверен наверняка, Мирдад изменит мир так же, как он изменил Ковчег.

– Должно быть, он давно умер.

– Только не Мирдад. Мирдад сильнее смерти.

– Ты хочешь сказать, что Мирдад уничтожит наш мир, как он уничтожил Ковчег?

– Нет и еще раз нет! Он освободит мир так же, как освободил Ковчег. И затем он вновь зажжет вечно сияющий свет – люди, похожие на меня, похоронили его под толщей иллюзий, и прозябают в темноте. Он возродит в человеке то, что человек успел разрушить. Скоро Книга будет в твоих руках. Прочти ее, и ты увидишь свет. Довольно медлить. Подожди здесь, я скоро вернусь. Тебе нельзя идти со мной.

Он встал и поспешно вышел, оставив меня в недоумении и нетерпении. Я тоже решил выйти наружу, но дошел лишь до края пропасти.

Что за картина открылась моему взору! Волшебный пейзаж, раскинувшийся вокруг, насыщенный невиданными цветами и оттенками, покорял самое искусственное воображение. На какой-то момент мне почудилось, будто я растворяюсь в нем, растекаюсь мельчайшими капельками по всей поверхности – по морю, такому спокойному, подернутому жемчужной дымкой; по холмам, то изгибающимся, то отклонившимся назад, но все же вырастающим один за другим, образуя ровную гряду, возносясь выше и выше от самого моря до скалистых вершин Молочных гор; по мирным селеньям, приютившимся на склонах, утопающих в пышной зелени; по цветущим долинам, свившим свои гнезда меж гор и утоляющим жажду из плачущего сердца горного хребта, с множеством людей, занятых повседневным трудом, и животными, пасущимися на богатых лугах; по оврагам и лощинам, этим шрамам, нанесенным Временем на некогда молодое чело гор; я словно унесся с легким ветерком в лазоревое небо и вместе с тем остался на пепельно-серой земле.

Лишь созерцание Каменного склона вывело меня из состояния отрешенности и вернуло мои мысли к монаху, к его потрясающему рассказу о себе, о Мирдаде и о Книге. Думая об этом, я не мог не восхититься той невидимой рукой, что отправила меня в путь за одним, чтоб обрести другое. Я возблагодарил ее всем сердцем.

Вскоре монах вернулся и, протягивая мне небольшой сверток, завернутый в пожелтевшую от времени ткань, сказал:

– Отныне мой долг становится твоим. Будь верен в выполнении его. Теперь же пришел час моего второго плена. Уже скрипят ворота моей тюрьмы, открываясь навстречу мне, и совсем близок тот миг, когда они захлопнутся за мной. Долго ли будут они закрыты, знает лишь Мирдад. Скоро о Шамадаме не вспомнит никто. Как больно, ах, как больно пребывать в забвении!.. Но зачем я все это говорю? Мирдад не забывает ни о ком. Тот, кто живет в его памяти, будет жить вечно.

Повисло тягостное молчание, а когда Старейшина поднял голову, то я увидел, что глаза его полны слез. Едва слышно он прошептал:

– Теперь ты спустишься в мир. Но ты наг, а мир не терпит наготы. Ведь даже душу пытаются там облечь в лохмотья. Моя одежда больше не нужна мне. Я пойду в пещеру, сниму ее, и тебе будет чем прикрыться, хотя одежда Шамадамы подходит только Шамадаму. Мне остается лишь пожелать, чтоб не была она для тебя тяжелой ношей.

Я не стал ничего говорить в ответ и принял его предложение в радостном молчании. Когда Старейшина ушел в пещеру, я раскрыл Книгу и начал с трудом переворачивать пожелтевшие, выцветшие листы. Вскоре я обнаружил, что глаза мои прикованы к первой странице. Я попытался прочесть то, что там было написано. Книга захватила меня. Я читал и читал, все больше и больше погружаясь в текст.

Вместе с тем, подсознательно я ждал, что Старейшина закончит раздеваться и позовет меня, чтобы забрать одежду. Но минуты шли, а меня никто не звал.

Оторвав взгляд от Книги, я повернулся и заглянул в пещеру. Я увидел одежду, лежавшую на камнях. Но Старейшины там не было. Я позвал его несколько раз, каждый раз громче и громче. Ответа не последовало. Я удивился и заволновался. Другого выхода из пещеры, кроме узкого прохода, где я стоял, не было. Старейшина не выходил из пещеры – в этом я был абсолютно уверен. Быть может, я беседовал с призраком? Но нет, то, несомненно, был живой человек, из плоти и крови, я ощущал его присутствие каждой клеткой своего тела. Кроме того, в руках я держал Книгу, которую он принес, а в пещере лежала его одежда. Что, если он под ней? Я подошел и собрал вещи. Никого.

У меня мелькнула мысль: вдруг Старейшина каким-то волшебным образом выбрался из пещеры и свалился в Черную пропасть? Я бросился к выходу. Выбежав, я не успел сделать и нескольких шагов, как наткнулся на огромную каменную глыбу, стоящую прямо на краю пропасти. Раньше ее здесь не было. Валун напоминал сидящее животное, но голова была удивительно похожа на человеческую, с грубыми, тяжелыми чертами, широким подбородком, поднятым вверх, челюсти плотно сжаты, губы сомкнуты, незрячие глаза устремлены на север.

Книга

Глава 1

Мирдад предстает в истинном свете и говорит о вуалях и печатях

В тот вечер восемь монахов собрались за обеденным столом. В молчании стоял Мирдад по одну сторону, дожидаясь, пока все остальные станут с другой.

Одно из древнейших правил Братства было стараться как можно реже произносить слово «Я». Брат Шамадам хвастал своими достижениями на посту Старейшины. В доказательство того, что сильно приумножил он наши богатства и упрочил тем самым положение Ковчеха, приводил он множество цифр. При этом он чрезмерно часто употреблял нежеланное слово. Брат Майкайон заметил ему это, и разгорелся жаркий спор. Речь велась о целесообразности данного правила и о том, откуда оно взялось – отец ли Ной так постановил или первый брат наш Сэм. Спор привел к взаимным упрекам, а упреки – к всеобщему замешательству, когда много было сказано, но мало понято.

Желая обернуть все в шутку, брат Шамадам обратился к Мирдаду и произнес насмешливо:

– Среди нас есть тот, кто могущественнее самого патриарха. Мирдад, укажи нам путь из лабиринта слов!

Все посмотрели на Мирдада. И велико же было наше удивление и радость, когда впервые за семь лет он разомкнул уста и произнес:

– Братья Ковчеха! Насмешка породила желание Шамадама и невольно предвосхитила священное решение. Войдя в Ковчег, Мирдад уже выбрал и место и час – именно эти обстоятельства, когда разомкнутся уста его и спадет вуаль, и раскроется сущность его перед вами и перед миром.

Семью печатями Мирдад сковал уста свои. Семью вуалями сокрыл свое лицо.

*Все это сделано затем, чтоб смог он научить
и вас, и мир (когда вы будете готовы
принять его учение),
как разомкнуть уста и сбросить пелену с очей,
как вам раскрыться в полноте небесного блаженства,
что вам принадлежит и чем вы являетесь по сути.
Глаза вам застит пелена, и потому,*

*куда б ни обратили взор, вы не увидите
ничто, кроме вуалей.
Уста вам сомкнуты печатями, и слово,
любое, что произнесете, – будет мертво.
Ведь какова ни есть природа вещи,
ей формой будет только пелена,
накинутая жизнью для того,
чтоб эту вещь прикрыть и ограничить.
И взгляд ваш – лишь вуаль, и как же может
он показать вам что-либо другое,
кроме вуали или пелены?
Слова – всего лишь вещи, закосневшие
в слогах и в буквах. Как же могут
ваши уста, что сами есть печать,
произносить что-либо кроме штампов?
Прикрыть вуалью может взгляд,
но не проникнуть сквозь нее.
Запечатлит язык, но не отверзнет он засовы.
И нет нужды ждать большего от них.
Они суть части тела, и работа
их такова, и ей они прилежны.
Прикрыв и наложив печать, они зывают к вам
узнать, что там таится за вуалью,
и отомкнуть задвинутый засов.*

Хотите ли узнать, что за вуалью? Тогда вам нужен глаз другой – не тот, что веком и ресницами прикрыт.

Уйти от штампов вам помогут уста другие, не те, что нам так хорошо знакомы.

Начните же с того, что научитесь сам глаз увидеть верно, коль хотите увидеть верно вещи. Не глазом вы должны смотреть, но сквозь него, дабы узреть, что скрыто за вуалью.

Начните же с того, что научитесь вы верно говорить, коли хотите произносить слова другие верно. Не языком и не устами речь ведите, но через них вам должно говорить, чтоб выразить слова, что закоснели.

Когда же вы начнете видеть верно и верно говорить, тогда узрите не что иное, как самих себя, и словом выражать самих себя начнете. Всему присущ, за всем сокрытый, так же, как в слове и за словом, пребываешь лишь только ты – провидец и оратор.

И если мир останется загадкой, то потому, что ты – загадка сам. И если речь на лабиринт похожа, то потому, что сам ты – лабиринт.

Оставьте же события и явления, и не пытайтесь что-то изменить. Ведь видятся они нам тем, чем видятся лишь потому, что кажется вы сами лишь тем, чем кажется. Они не видят и не говорят, вы сами наделяете их как взглядом, так и речью. Если вы решили, что кто-то грубо говорит, на свой язык вы взгляд оборотите. И если чей-то вид для вас ужасен или некрасив – ищите сор в глазу своем.

Не у вещей просите вы раскрыться и вам предстать в ином, желанном свете. Раскройтесь сами, и тогда для вас все, что вокруг, раскроется само. И также не просите разомкнуть уста других – с себя засов снимите, и все вокруг заговорит само.

Заветный ключ к раскрытию себя, к тому, чтоб снять оковы с губ своих, находится у слова одного. Вы слово то меж губ своих храните. Средь слов других оно легко и вместе с тем оно же полновесно. Мирдад назвал его Творящим Словом.

Мастер замолчал, и воцарилась тишина, полная волнения и ожидания. Не выдержав, Майкайон спросил со страстным нетерпением:

Майкайон: Наши уши жаждут Слова. Наши сердца томятся желанием познать тот ключ. Скажи же нам, о Мастер, мы умоляем, скажи.

Глава 2

Творящее слово. Я – источник и центр всего

МИРДАД: Когда вы говорите «Я», тот час же в сердце вы произнесите: «О, Боже, да будь моим прибежищем от всех печалей слова „Я“ и проводи меня в блаженство слова „Я“». Ведь в слове том, хотя и маленьком, душа всех слов сокрыта. Познайте это лишь однажды, и уста наполнит сладость, и любое слово восторгом жизни будет вечно полно. А если запертым останется оно, то полон будет горечи язык, и слово каждое, сошедшее с него, яд Смерти источать во веки будет.

Запомните, монахи, Слово «Я» – Творящее. И если из него магической не извлечете силы, не обретете могущества, тогда унылым стоном ваша будет песня, и в мирный час познаете вражду, и светлый день вам тьмою обернется.

Ведь ваше «Я» сознание бытия, глухое и бесплотное, озвучит и, оживив, и вес, и меру даст. Неслышное оно звучать заставит и сделает невидимое – видимым, чтобы смотря, могли бы вы увидеть невидимое, слушая, услышать беззвучное. Пока же вы глядите глазами, ушами слышите, и, если б не они, вы не могли б ни то и ни другое.

Одной лишь мыслью, начатою с «Я», вы вызовете море дум. И море то – творенье «Я», что есть одновременно и мысль, и сам мыслитель. И если мысли ваши причиняют боль, царапают иль ранят, то знайте же тогда, что это «Я» их наделило жалом и когтями.

Мирдад вам говорит: коль скоро нечто способно наделять, оно же может и лишать.

Одним лишь чувством «Я» вы наполняете колодец чувств, что в сердце вашем. Тот колодец – творенье «Я», что есть одновременно и чувство сильное и тот, кто чувствует. И если ваше сердце придавлено тяжелой ношей, знайте, что ваше «Я» ту тяжесть водрузило.

Мирдад вам говорит: коль скоро нечто отяжеляет сердце, оно же и способно от тяжести освободить.

Одним лишь словом «Я» вы жизнь даете огромной армии небесных слов, и каждое есть символ некой вещи, а она есть символ мира, каждый мир собою являет часть вселенной. А она – творенье «Я», что есть одновременно материал и зодчий. Если же Вселенная заселена созданиями ада, то знайте же, что это ваше «Я» дало им право жизни в вашем мире.

Мирдад вам говорит: коль скоро нечто способно сотворить, оно же может уничтожить.

Каким является творец, таким же будет и творение его. Ведь разве кто-то способен сотворить произведение большее себя? Иль меньше? Только лишь себя, себя – ни больше и не меньше – способен породить на свет творец.

«Я» есть фонтан, родник, откуда все рождается, куда в свой срок уходит. Каков источник, и поток таков, что изливает он.

«Я» есть волшебный посох, и не сможет он рождение дать чему-нибудь другому, кроме того, что маг хранит в душе. Каков волшебник, таковы и чудеса.

Запомните, что каково Сознание, такое ваше «Я». Какое ваше «Я», таков и мир. И если сам ты чист и сам определен в значении, то мир твой будет прозрачен и определен. Слова твои не станут лабиринтом, дела твои не будут боль нести. А если «Я» твое туманно, непонятно, тогда и мир твой призрачен и вял. Слова твои запутают любого, поступки же оплотом боли станут.

А если «Я» твое сильно и постоянно, то постоянен и вынослив будет мир, тогда ты сможешь Время превозмочь и превзойти Пространство. Если «Я» твое непостоянно, преходяще, твой мир окажется непостоянным, слабым, и дуновением легким, струйкой дыма ты улетишь навек в небытие.

Едино твое «Я» – един твой мир, и ты в согласье вечном с небесами и с жителями мирными земли. Но если дробно «Я», разбит на части мир твой, и вечный спор ведут они, и меж собою век они воюют.

«Я» есть опора, центр твоей жизни, источник всех вещей, они оттуда расходятся и мир твой наполняют, и наполняют также место, где меж собою сходятся они. И если «Я» устойчиво, то мир устойчив твой, и силы никакие, ни высшие, ни низшие, не смогут увлечь тебя ни вправо, ни налево. А если «Я» шатается, то станешь беспомощным листком, который кружат потоки злые ветра грозового.

И вот! Твой мир устойчив, убежден лишь в неустойчивости. Без определенья определен. И постоянен в непостоянстве он. Един же лишь во многом.

Твой мир суть колыбель, надгробным камнем ставшая. Твой мир – надгробие, что стало колыбелью; дни поглощают ночь, а ночь извергнет дни; мир объявил войну, война же ищет мира; сквозь слезы смех, рыданье сквозь улыбку.

Твой мир томится в родовых потугах, а повитуха-Смерть те роды принимает.

Твой мир есть сито, ни одна ячейка не схожа с остальными, ты же сам мучительно просеиваешь то, что не процедишь сквозь такое сито.

Твой мир настроен против самого себя, поскольку «Я» твое разделено.

Твой мир препятствий и барьеров полон, поскольку «Я» твое тебе барьером служит. Оно оставит что-то за оградой, под тем предлогом, будто не подходит, другое же оно впускает внутрь и говорит: «То часть моей природы». Но то, что за забором, рвется внутрь, а что внутри – то просится наружу. Они ведь дети матери одной, и с ними твое «Я», и им не нужно друг другу противостоять.

Но ты не рад счастливому союзу, ты вновь и вновь пытаешься бесплодно разъединить неразделимое. Противишься слиянью, упрямо избавляешься от жизни, надеешься вбить клин меж тем, что мнится тебе твоим, и тем, что, как решил ты, тебе чуждо.

Поэтому слова людские ядом сочатся. Потому дни человека горе омрачает. Поэтому полны и ночи болью.

Монахи! Говорю я вам, Мирдад соединит раздробленное в вас, чтоб жили сами вы в ладу с собою, в ладу со всем, что есть во всей вселенной.

Он ваше «Я» освободит от яда, дабы вкусить вам сладость Пониманья.

Мирдад научит вас соизмерять, дабы познать вам радость Равновесья.

Мастер замолчал, и наступила тишина. И снова первым Майкайон заговорил.

Майкайон: Слишком волнующи слова твои, Мирдад. Они распахнули перед нами множество дверей, но мы так и остались на пороге. Веди нас за пределы, веди нас внутрь.

Глава 3

Святая Троица и совершенное равновесие

МИРДАД: Но, несмотря на то, что в своем «Я» центрированы вы, однако все же заключены в едином общем «Я» – и даже «Я» единое Всевышнего в том общем «Я» заключено.

Божественное «Я» – святая вечность, нетленное, единственное слово. В нем Бог – Первичное Сознание – проявился. А если бы не это, был бы он лишь только молчаливым абсолютом. Но словом сим Он сотворил себя. Бесформенный, с ним форму принимает, приняв которую, все существа затем к бесформенному снова возвратятся.

И, ощутив СЕБЯ, помыслив о Себе, и о Себе сказав – не нужно Богу произносить что-либо, кроме «Я». Поэтому, монахи, слово «Я» – Его единственное. Лишь оно есть Слово.

Все сказано, когда произнесет Он «Я». И все миры, что видны иль неявины, и все, что родилось, и все, что ждет рожденья, и время, то, что ныне есть, и то, что лишь наступит, – на свете все, мельчайшая песчинка во вселенной – отозвалось, объединилось в этом Слове. Им сотворено. Через него и существует.

Лишь отзвук в пустоте то слово, что не наделено значением, оно – проказа, если не несет в себе единства.

Однако Слово Божие – не отзвук, не свищ на языке и не проказа. Лишь те слова становятся такими, что Пониманья свыше лишены. Ведь Пониманье – это дух святой, что оживляет Слово, наполняет Сознанием его. Ведь Пониманье – суть то, что в равновесие весы приводит, а чаши их – Первичное Сознание и Слово.

Первичное Сознание – Слово – Дух Понимания – Троица Бытия. Все Трое есть Одно. Одно является Тремя, и равнозначно, и равномерно, и равно во времени – то есть само-уравновешивание, само-познание, само-наполнение. И никогда ни больше и ни меньше. Всегда в покое и непреходяще. Оно суть Совершенства Равновесье.

И человек зовет его Господь, хотя оно, чтоб именем назваться, чудесно слишком. Несмотря на то, священно его имя, и священны уста, что эту святость сохраняют.

И кто иной быть может человек, если не Божий сын? И разве может он отличаться чем-нибудь от Бога? Ведь желудь целый дуб в себе хранит? А человек в себе скрывает Бога?

А это значит, что и человек, святой являясь троицей, несет в себе сознание, слово, понимание. Так почему же не уравновешен он настолько же, насколько Бог?

Коли хотите узнать ответ на ту загадку, внимайте, братья, мне.

Глава 4

Человек – суть младенец-бог

Узнайте же, монахи, человек есть бог-младенец. Время же – пеленки. Пространство окружающее – также. И тело вместе с ним, и также чувства, и все, что могут воспринять они. И мать, что с неусыпной заботой дитя блюдет – она прекрасно знает, пеленки – это вовсе не малыш. А вот малыш не ведает того.

И человек закутан в ограниченья с головою, и с возрастом меняются они, и так всю жизнь. Поэтому сознание его всегда меняется; и слово, что призвано сознание отразить, всегда туманно, неопределенно, и мутно понимание, и жизнь вне равновесья, замешательство ж огромно.

Он, страждущий, о помощи взывает. И крик его мучительно теснится сквозь века. И вздохами насыщен тяжелый воздух. Море солоно от слез его. Земля испещрена его могилами. Оглохло небо от молитв его. Все это происходит лишь потому, что он пока не знает значенья его «Я», что для него суть то же, что пеленки для младенца.

Он произносит «Я» и разделяет Слово надвое: его границы суть одно, его бессмертное Божественное «Я» – другое. Он тщетно силится делить неразделимое. А Бог не позволяет. Ибо неделимое не может быть разделено никак, ни даже силой Бога. Лишь незрелость людская может то вообразить. И человек-младенец обрекает себя на битву и ведет войну против нетленной Сущности, считая ее угрозой лично для себя.

И в битве той неравной разрывает он плоть свою на части, проливает он кровь свою. А Бог – Отец и Мать – за битвой той с любовью наблюдает. Ведь знает он, что Человек срывает не что иное, как тяжелые оковы, что изливает он на землю желчь, затем, чтобы, избавившись от них, он смог узреть единое в Единстве.

И в битве той судьба его – бороться, и кровью истекать, теряя силы, и все лишь для того, чтоб пробудиться в конце концов и вновь соединить раздробленное «Я» своею плотью и запечатать кровью.

Поэтому, друзья мои, я вас предупреждаю – да будьте осторожны, употребляя слово «Я», заботьтесь о святом его предназначеньи. Ведь, до тех пор, пока ограничения звучат в том слове, а не сам младенец в нем отражен, служить оно вам будет решетом лишь, а не горнилом Божьим, и сеять сквозь него тогда придется вам суету сует – лишь для того, чтоб Смерть в конце концов на дне увидеть.

Глава 5

Слово божественное и слово человека

Божественное Слово суть горнило. Что создает оно, то тут же тает, сливается в едином, ничего не принимая как достойное и также не отвергая ничего как нечто не достойное его. Наполненное Духом Пониманья, оно прекрасно знает: само и сотворенное им есть одно и то же. Ведь отвергая часть, ты отвергаешь целое, а целое отвергнув, отвергнешь и себя. И потому оно всегда едино по цели и по смыслу.

Решето есть слово человека. Все созданное им находится в тисках и под ударом. Всегда есть выбор – или друг, или враг. Но часто так бывает, что друзья вчерашние врагами завтра станут, тот же, кто врагом вчера являлся – друг твой ныне.

Жестокая, бесплодная война бушует, в которой Человек с самим собой воюет, лишь потому, что Духа Святого ему не достает. Ведь Дух Святой наполнит Пониманьем, что Человек и то, что сотворил он, едино, что отвергать врага все то же, что отвергнуть друга. Ведь оба слова «враг» и «друг» – то есть творенья слова – творенья его «Я».

То, что сегодня отвергаешь ты, считая неизбежным злом, другому покажется как благо. Разве может одно быть сразу тем и тем, друг другу противоположным? Ни то и ни другое, только «Я» твое решило, что это зло, другое «Я» решило увидеть в том же самом благо.

Сказал я вам, что коль способно нечто создавать, оно же может уничтожить. И так же, как создал ты врага, ты сам его способен уничтожить, или другом можешь ты его назвать. Однако «Я» твое должно горнилом быть и озаренным Духом Пониманья. Поэтому и говорю я вам, молитесь лишь только об одном – о Пониманьи. Ничто другое больше вам не нужно.

Не будьте решетом, друзья мои. Ведь Слово Бога – это Жизнь, а Жизнь – горнило, все в горниле том сотворено в единстве нераздельном; все в равновесии находится, и все достойно автора, той Троицы Святой. Насколько больше это вас достойно?

Не будьте решетом, друзья мои, и жизнь ваша наполнится, и станет богатою настолько, что никакое сито не сможет вас на части раздробить.

Не будьте решетом, друзья мои. Ищите в Слове знание, чтобы знать слова свои. Познав слова свои, сумеете вы решето предать огню. По сути ведь одно и ваше слово, и слово Бога – если только ваше «вуалью» не завешено. Мирдад поможет вам развеять пелену.

Слово Богаечно во Времени, в Пространстве бесконечно. Было ли время, когда бы Бог покинул вас? И есть ли место, где вы могли бы быть без Бога? Тогда зачем в часы и месяцы заковывать вам вечность? Зачем длиной соизмерять пространство?

Слово Бога есть Жизнь, которая еще не рождена, а потому не может умереть оно. Жизнь ваша окружена и смертью, и рождением. Но скажите, не жизнью ли Бога разве вы живете? И может ли Бессмертное являть собой источник Смерти?

Слово Бога в себя включает все. В нем нет преград. Тогда как ваше слово заборами окружено.

Я говорю вам, ваши кровь и плоть – не только ваше тело. Бесконечны, бесчисленны те руки, что познали вместе с вами богатство неба и земли, откуда проистекает ваша плоть и то, куда она вернется.

Также свет ваших очей не есть лишь ваш, а то – колодец света, всего, всего, что солнце озаряет. Что видели бы ваши очи, если б во мне не стало света? То *мой* свет меня же видит вашими очами. И то *ваш* свет глядит на вас через меня. Будь я тьмой полнейшей, и ваши очи, глядя на меня, полнейшей тьмой бы стали.

И также то дыхание, что грудь вам наполняет, есть не только ваше. Все, кто когда-то воздухом дышал, и те, кто ныне дышат – вашу грудь вздымают. Не Адамово ли дыхание то? Не сердце ли Адама в вас стучится?

И мысли ваши не одним лишь вам подвластны. Безбрежный океан всеобщей мысли считает их своими, все, кто мыслит, кто с вами делит этот океан – все существа на них имеют право.

И сны, что снятся вам, не только ваши. Вселенная сама спит вашим сном.

Ваш дом не только вам принадлежит – гостям, мышам, котам, собакам, мухам и всем, кто вместе с вами в нем живет.

Но знайте об оградах и заборах. Окружены забором – вы пребываете в обмане. Забор убрали – вышли вы на Правды Свет. Внутри же той ограды, оглядываясь, вы лицом к лицу со Смертью встретитесь, и это есть Обман под именем другим.

Неотделим от Бога Человек. И от других людей неотделим он, и от всех существ, что Словом сотворены.

Вы – облака, а Слово – океан. И чем бы было облако, коль океана не было бы в нем? Да, глупым будет облако, что жизнь потратит лишь на то, чтобы на месте в пространстве закрепиться, чтоб форму и вместе с ней название сохранить. Что за плоды пожнет оно в итоге? Разбитые надежды, боль и горечь от тщетности своих усилий. Не потеряв себя, найти себя не сможет. Не умерев и форму не отринув, не сможет и увидеть океан, который его истинная сущность.

И Человек есть облако, что Бога в себе несет. А если же он пуст, и нет себя в нем, то он себя найти не сможет. Какая же в том радость, какая радость в том, чтоб быть пустым!

И если потерялись вы в одном лишь Слове, не сможете понять то слово, которым являетесь вы сами, ваше «Я». А что за радость быть потерянным!

И вновь я повторяю вам: молитесь, просите Пониманья. И когда Святое Пониманье вас наполнит, вам распахнутся двери в необъятность Бога, и с радостью для вас все отзовется, когда произнесете «Я».

Тогда для вас оружием Смерть станет, и с ним в руках вы победите Смерть. И сердце ваше примет Жизни дар – в объятия свои она вас примет и даст вам ключ от сердца безграничного ее. А ключик тот Любовью зовется.

Шамадам: Никак не думал, что из тряпки и метлы можно выжать столько мудрости (намекая на то, что Мирдад – слуга).

МИРДАД: Для мудрого все является вместилищем мудрости. Для глупца сама мудрость является глупостью.

Шамадам: Ничего не скажешь, твой язык хорошо подвешен. Почему же ты смирял его так долго? И все же слова твои слишком трудны для восприятия.

МИРДАД: Нет, Шамадам, мои слова легки. Твое же ухо тяжестью своею придавлено к земле. Но горе тем, кто, слушая, не слышит, горе тем, кто, смотря, ничего не видит.

Шамадам: Я слышу и вижу хорошо, возможно, даже слишком хорошо. И все же, никогда не слышал я большей глупости чем то, что Шамадам и Мирдад суть одно и то же, что мастер и слуга подобны.

Глава 6

Мастер и слуга. Братья высказывают свое мнение относительно Мирдада

МИРДАД: Мирдад – слуга не только Шамадама. Ты можешь перечесть ли своих слуг? Есть ли орел или сокол, есть ли кедр или дуб, есть ли гора или звезда, есть ли океан или озеро, есть ли ангел или король, которые не служат Шамадаму? И разве мир весь не служит Шамадаму?

Не только лишь Мирдад – хозяин Шамадама. Ты можешь перечесть своих хозяев?

Есть ли жук или блоха, есть ли сова или воробей, есть ли трава или дерево, есть ли камень или ракушка, есть ли росинка или пруд, есть ли нищий или вор, которым не служил бы Шамадам? И разве он не служит всему миру? Ведь, выполняя каждый день свою работу, мир что-то делает за вас, а вы, работая, осуществляете работу мира.

Да, голова – хозяин животу, но и живот той голове хозяин.

Нельзя услугу оказать тому, кто сам в тот миг не служит. И тот служить не может, кто сам услуг не принимает.

И говорю тебе я, Шамадам, и всем вам, братья, что Слуга – хозяин своего хозяина. А тот – слуга слуги. И да не станет кланяться слуга. И да не станет хозяин заноситься. Умерь хозяина гордыню, вырви с корнем подобострастие слуги.

Помните, что Мир един. Вы же – слоги в Слове, на деле вы едины. Никакой же слог не будет знатен более другого. А множество слогов составят один лишь слог, и имя ему – Слово. Такими односложными должны вы стать, если хотите познать экстаз несказанной Любви к себе, которая любовью ко всем является, любовью к каждому.

Не как хозяин со своим слугой, не как слуга с хозяином сейчас я говорю с тобою, Шамадам – как с братом брат. И потому слова мои тебя столь угнетают.

И если пожелаешь – отвергни ты меня. Не говорил я разве, что моя плоть – не что иное, как плоть твоя? Не стану в спину вонзать тебе кинжал, чтоб самому мне кровью не истечь. Вложи язык свой в ножны, если не хочешь кровь пролить. Раскрой свое мне сердце, если его от боли хочешь уберечь.

О, лучше быть лишенным языка, чем наделенным таким, что исторгает острые шипы. Слова, им порожденные, не смогут ничто иное, как сжигать, покуда язык, что произносит их, не будет Пречистым Пониманьем озарен.

Прошу я вас, ищите ваше сердце. Прошу я вас, разрушьте все преграды на внутреннем пути. Прошу я вас, отбросьте прочь пеленки, укутавшие ваше «Я», считайте единым вы его со Словом Бога, всегда в покое и с самим собой, и также с бесконечными мирами, рожденными из «Я».

Так учил я Ноя.

Так учу и вас.

Сказав это, Мирдад удалился к себе в келью, оставив нас в крайнем смущении. После долгого, томительного молчания братья стали расходиться. Уходя, каждый говорил, что он думает о Мирдаде.

Шамадам: Нищий, возмнивший себя королем.

Майкайон: Он – тот самый невидимый пассажир Ковчега. Ведь он сказал: «Так учил я Ноя»?

Абимар: Запутанный клубок.

Микастер: Звезда иного небосклона.

Беннун: Великий ум, противоречий полный.

Цамора: Удивительная арфа, настроенная в неведомом ключе.

Химбал: Странствующее слово, ищущее друзей, что смогут выслушать его.

Глава 7

Майкайон и Наронда ведут ночную беседу с Мирдадом, который намекает им на грядущий потоп и просит их быть готовыми

Была вторая половина третьего часа ночи, когда дверь моей кельи приоткрылась, и я услышал прерывистый шепот Майкайона:

– Наронда, ты не спишь?

– Сон не посетил меня этой ночью, Майкайон.

– И моих глаз сон не коснулся. А он? Ты думаешь, он спит?

– Ты имеешь в виду Мастера?

– Ты уже называешь его Мастером? Возможно, оно и так. Я не могу заснуть, пока не выясню, кто он. Пойдем к нему сейчас же.

Мы на цыпочках вышли из моей кельи и вошли в ту, где жил Мастер. Лунный свет, проникая в щель под потолком, освещал скромную постель на полу. Она была не смята, и по всему видно было, что в эту ночь на ней никто не спал. Того, кого мы искали, в келье не оказалось.

Озадаченные, пристыженные и разочарованные, мы уже готовы были уйти, но вдруг раздался желанный голос, и мы узрели его благородный лик. Мастер стоял на пороге кельи.

МИРДАД: Не тревожьтесь, садитесь с миром. Ночь скоро растворится на восходе. Благоприятен час для растворенья.

Майкайон (растерянно пробормотал): Прости нас за вторжение. Мы не могли уснуть всю ночь.

МИРДАД: Сон – слишком краткое самозабвенье. Лучше утопить свое «Я», и пробудиться, чем пить самозабвенье из наперстков сна. Что привело к Мирдаду вас?

Майкайон: Мы пришли узнать, кто ты.

МИРДАД: Когда с людьми я говорю, я – Бог, когда же с Богом – человек. Узнал ли ты, Майкайон?

Майкайон: Ты богохульствуешь.

МИРДАД: Перед Богом Майкайона – возможно, перед Богом Мирдада – никогда.

Майкайон: А много ли богов? Столько же, сколько людей? Раз ты говоришь об одном боге Майкайона и о другом боге Мирдада?

МИРДАД: Не множество есть Бог, он есть единство. Теней же много разных человека. Покуда он отбрасывает тень, бог человека – только тень его. И только те, кто не имеет тени, находятся в свету. Они лишь знают Бога. Ведь Бог есть Свет, лишь Свет способен Свет познать.

Майкайон: Не говори загадками. Слишком бессильно наше понимание.

МИРДАД: Загадкой будет все для человека, имеющего тень. Пока же он одалживает свет, он будет спотыкаться, и тень ему преградой будет. Когда же Пониманьем воссияет, исчезнет тень, исчезнут и загадки.

Поверьте, братья, очень скоро соберет Мирдад все тени ваши и в солнечных лучах сожжет. И то, что кажется загадкой сейчас, прольется светом Истины, и не нужно станет никакого объясненье.

Майкайон: Так не скажешь ты нам, кто ты на самом деле? Быть может, мы бы лучше тебя поняли, знай мы твое истинное имя, твою страну и предков.

МИРДАД: Ах, Майкайон! Ведь, как орла, на волю пущенного, в клетку пытались бы вы снова посадить – так же пытаетесь вы заковать Мирдада в оковы и «вуалями» сокрыть. Каким же именем он назовется, тот человек, который уж не в «клетке»? В какой стране он может проживать, тот человек, в котором вся Вселенная живет? Кого он может предками назвать, коли от Бога он произошел?

И если хочешь, Майкайон, узнать меня – познай ты Майкайона.

Майкайон: Быть может, ты – просто миф, облаченный в человеческие одежды?

МИРДАД: Да, однажды люди скажут: Мирдада не было, все это только миф. Но скоро вы поймете то, что миф – *реален* больше, чем любая реальность человека.

Сейчас мир невнимателен к Мирдаду, Мирдад к нему внимателен всегда. Узнает скоро мир Мирдада.

Майкайон: Ты, случайно, не тот ли Тайный пассажир Ковчега?

МИРДАД: Я – потаенный пассажир ковчега любого, что сражается с потопом иллюзий. Принимаю вахту я каждый раз, как только капитаны попросят моей помощи. А ваши сердца, хоть и не ведают того, ко мне уже давно, давно взывают. И вот! Мирдад уж здесь, вас направляет, чтоб вы смогли мир вывести из бездны, потопа величайшего избегнуть.

Майкайон: Значит, грядет еще одно наводнение?

МИРДАД: Грядущее – не то, что смочет Землю, а что проявит небо на Земле. Не то, что смочет человека след, а что откроет Бога в Человеке.

Майкайон: Да возможно ли это! Совсем недавно в небе сияла радуга. Как можешь ты говорить о потопе?

МИРДАД: Его опустошающая ярость куда сильнее, чем та, что Ной застал.

Земля, водой залитая, – Весенних надежд полна. Она не та Земля, что мечется в агонии кровавой.

Майкайон: Должны ли мы проследить за окончанием? Ведь нам было сказано, что приход Тайного проводника возвестит конец?

МИРДАД: О, не тревожьтесь, братья, о Земле. Она так молода, и слишком груди ее полны. И много поколений выкормит она.

И не тревожьтесь вы о Человеке, хозяине Земли – неразрушим он.

Да, Человек неистощим. Неисчерпаем Человек. И Человеком войдет он в кузницу, а выйдет Богом.

Внимательны, готовы будьте, братья. Смотрите же и слушайте, чтобы ваши сердца смогли узнать святой тот голод, который утолите вы однажды, и, утолив, наполнитесь навеки.

Должны всегда вы быть полны, чтоб жаждающих суметь наполнить. Должны всегда вы быть сильны, устойчивы, чтоб поддержать колеблющихся, слабых. Всегда должны готовы быть вы к буре, чтоб дать приют бездомным и бродягам, лишенным крова. Всегда должны вы быть светлы, чтобы вести блудущих в темноте.

Ведь слабые обузой будут слабым. Но сильный им всегда придет на помощь. Ищите слабых, ибо слабость их – то ваша сила.

Голодный голод вызовет в голодном. Для сытых они благо. Ищите же голодных, ибо ваша полнота есть то, чего они так жаждут.

Слепые – камень преткновенья для слепых. Для видящих они пути знаменье. Их тьма – ваш свет.

В этот момент мы услышали звук горна, созывающего всех на утреннюю молитву.

МИРДАД: Цамора провозглашает новый день. Он – чудо новое, которое легко вам прозевать меж тем, когда сидите и встаете, меж тем, когда свое набьете чрево, когда опустоша-

ете его, меж тем, как орошаете язык словами праздными и делаете много из того, что лучше бы не делать.

Майкайон: Нам не следует молиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.